

Наконец жара отступила, и во всей красе явился благодатный бархатный сезон. Побережье в районе двенадцатой станции Большого Фонтана славного города Одессы оведал легкий бриз. Волны лениво окатывали галечный берег. Солнце уже миновало пик и неуклонно скатывалось к линии горизонта. На море стоял почти полный штиль. Над водной гладью шныряли вечно голодные чайки. Пляжники, не обремененные отправкой своих чад в школу, впитывали в себя остатки лета, пребывая в томной неге.

Вдоль берега уныло брел фотограф, тщетно предлагая свои услуги. От него лениво отмахивались. Было видно, что он изрядно пьян. Ноздри щекотал запах из шашлычной, расположенной неподалеку от пляжа. Оттуда же неслась музыка. Царила та атмосфера, погрузиться в которую мечтает каждый, кто хоть раз побывал на побережье в этот неповторимый сезон, а все остальное время года видит ее в своих самых лучших, радужных снах.

На обширной веранде, где без труда мог бы разместиться симфонический оркестр, сидели двое. Когда-то, в советские времена, эта веранда шикарного особняка служила пристанищем местному партийному боссу, который во спасение нервов от своей бесноватой жены, алчных детей и бесконечных бестолковых заседаний разнообразил, причем нередко, свою рутинную жизнь

в обществе обворожительной секретарши и пары преданных «шестерок» в качестве облуги.

Затем в девяносто первом Ельцин, взобравшись на танк, дал недвусмысленно понять, что ему да и прочей подобной шушере пора отправляться «ко двору». Началась пора глобальных перемен. Босс отправился в объятия своей опостылевшей жены, сладкая секретарша сгинула, а особняк, пройдя череду приватизаций, попал в лапы самому богатому и удачливому из претендентов — Максиму Соболеву. В настоящий момент он был одним из сидящих на этой веранде. Это был грузный человек с коротким ежиком волос и породистым лицом, не так давно разменявший шестой десяток. Он был по-настоящему богат, мог себе позволить не думать о деньгах вообще, много раз в году отдыхал, объездил полмира. Его бизнес был в России. Чудом оставшись в живых в бесконечных конкурентных войнах в лихие девяностые, сейчас он уверенно сидел на нефтяной трубе, призраивая денежки в офшорах. На него работала целая команда грамотных менеджеров; он лишь наслаждался жизнью, осваивая те ее лучшие грани, на которые в предшествующие годы у него не было времени даже взглянуть. Он жил в свое удовольствие, был вершителем многих судеб, в какой-то мере занимался благотворительностью и любил шахматы. Правда, кроме шахмат, он любил еще много чего: красивых труднодоступных женщин, которые в итоге все же оказывались в его постели, хорошие итальянские вина, морские путешествия на собственной яхте.

Его собеседник, тех же лет, по жизнеустройству мало чем отличался от Соболева. Сделав отличную карьеру, он достиг таких высот, что выше было уже и некуда. Он был продюсером и владельцем крупного украинского телеканала и нескольких еженедельных газет. В отличие

от своего друга-ловеласа он был примерным семьянином, всю жизнь жил с единственной женой, которую когда-то страстно любил, и после каждой случайной связи неизменно страдал душой. Внешне он являл собой полную противоположность Соболеву (а они были друзьями со школьных времен) — высок, худ, очкаст. Голову венчала каким-то образом сохранившаяся шевелюра. Он был поразительно похож на Гоголя, и в молодости иные шутники так его и называли. На это он нисколько не обижался, сам зная о сходстве с великим писателем; это ему даже льстило. Будучи утонченной натурой с тонкой душевной организацией, он увлекался оперой, хорошей литературой, посещением художественных выставок, где нередко покупал полотна. В его огромной городской квартире одна из комнат была отведена под библиотеку из тысячи томов тщательно подобранной литературы, альбомов по всемирной живописи, словарей и энциклопедий. Более всего свой досуг он любил проводить именно здесь. В библиотеке стояли небольшой диванчик, журнальный столик и торшер. В такие часы компанию ему составляла только стареющая овчарка. Улегшись на своем коврик в углу комнаты, она не сводила с хозяина преданных глаз. Хозяина звали Сергей Сотников. Делила с ним квартиру его жена, Елена Михайловна, неглупая женщина на восемь лет моложе своего благоверного. В последние годы она сильно располнела, практически не покидала квартиру и была погружена в бесконечные телесериалы и телешоу. Все хлопоты по дому были взвалены на плечи приходящей домработницы.

В настоящий момент оба друга, расположившись на веранде, любовались морским пейзажем, цедили маленькими глотками «Хенесси» и вели неспешный разговор. Чуть ниже, возле бассейна, растянувшись в шезлонгах,

нежились на солнце две девушки. Они сбросили с себя бикини, чтобы на их загорелых красивых юных телах не остались белые полосы. Смуглые спины, длинные стройные ноги, аппетитный загар... Бикини — не более чем символическая уступка общественной благопристойности. Будто две свежие булочки — теплые, вкусные, сытные. Девушки, лениво переговариваясь, ждали своего часа. Друзья, хоть и поддерживали связь по телефону, встречались нечасто. Сотников прилетел в Одессу сегодня утром. В отличие от Максима, он из-за бешеного ритма телевизионно-газетной деятельности редко мог позволить себе полноценный отдых, но сейчас, благодаря настойчивым приглашениям давнего приятеля, бросил все, собрал чемодан и, передав все дела коллеге, которому безоговорочно доверял, рванул в Одессу.

После того как поговорили о насущном — как, мол, дела и жизнь вообще, — после завтрака, плавно переходящего в обед, разговор понемногу начал затухать. Теперь говорилось о вещах незначительных, вне сферы бизнеса. Максим вдруг заговорил о своем безденежном детстве, и хотя Сотников слышал эти притчи неоднократно, сейчас он не скрывал любопытства: каждый раз в рассказе обнаруживались новые детали, к тому же Макс был непревзойденным рассказчиком и слушать его было одно удовольствие.

— Трудно мне было без бабла, вокруг столько соблазнов. Я, как бомж, собирал бутылки, но их становилось все меньше и меньше, а желающих их заполучить все больше. Одно время я запускал руку в карман папиной шинели — как ты помнишь, он был военным. В удачные дни я выгребал оттуда около рубля и чувствовал себя Крезом. Вскоре папаша понял, в чем дело, и я был несильно бит. Он стукнул меня тапком с подошвой из ли-

той резины аккуратно по башке. Было больно и обидно. Но этого ему показалось мало. Он лишил меня праздника. Эксцесс произошел накануне моего десятилетия, я ждал подарков, праздничного стола, друзей, но всего этого не было. Вот так он меня наказал. Я принял это как должное: вор если и не должен сидеть в тюрьме, то наказан будет непременно. Тогда я не был «плохишом» и понимал вещи именно так. Это потом, спустя годы, я вспомнил тот случай, и обида пустила свои корни: как он мог из-за горсти мелочи лишить своего ребенка первого юбилея! Но таков был мой папа, военный юрист, впоследствии военный прокурор. После этого я довольствовался пятнадцатикопеечной монетой в день, выдаваемой мамой на школьную булочку.

— А что ты вообще был так зациклен на деньгах в детстве? Лично я прекрасно без них обходился, — спросил Сотников, заинтригованный откровениями приятеля. — Зачем они вообще тебе были нужны? Ты был сыт, одет. Что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить юность?

— Как это зачем? На них можно было что-то купить. Свое. На свой вкус и интерес. На них можно купить все! Начиная от мороженого и заканчивая островом в прибрежных водах Атлантики. На них можно купить власть над людьми, а это наиболее ценная покупка. На них можно купить любую женщину. На них можно купить роскошную жизнь! Короче, все!

— В какой-то мере ты прав. Но все-таки не все. Женщину купить можно. Но нельзя купить ее любовь. Я имею в виду настоящую любовь, не продажную.

— Нет настоящей любви! Ты что, до сих пор этого не понял? Любовь всегда продажна, начиная с вокзальных проституток, заканчивая добропорядочными